

Когда спорят о том, «как нам обустроить Россию», то предлагают либо модернизацию по западному образцу, либо возврат к архаичным, допетровским формам государственного устройства. Но в обоих случаях предполагается сверху насаждать желаемое, изменить законы в нужную сторону. Между тем в российской истории была и другая позиция: вообще не трогать политические формы, а воздействовать на сознание людей в надежде, что если внизу будет здоровая нравственная основа, то всё само собой выправится.

Такой подход в русской истории связан с именем знаменитого оберпрокурора Синода Константина Петровича Победоносцева. О нем и его церковно-политической программе мы беседуем с автором двух научных монографий о Победоносцеве, доктором исторических наук Александром Полуновым.

Совиные крыла

— Александр Юрьевич, почему в нашем историческом сознании был создан столь отрицательный имидж Победоносцева, и только сейчас мы пытаемся более или менее объективно подойти к оценке этой исторической фигуры?

— При большевиках, начиная с 1930-х, о Победоносцеве писать было просто нельзя. Ранее же некоторые его современники писали о нем как о примитивном стороннике неограниченного самодержавия, властолюбце и корыстолюбце, даже чуть ли не монстре и негодяе.

- Кто так писал?

— Леволиберальные и революционные авторы. Однако думающие люди (например, Василий Розанов, Николай Бердяев и др.) оценивали его как неоднозначную, противоречивую и трагическую фигуру. И даже в советские 1920-е годы, когда еще сохранялась относительная свобода слова и научных исследований, о нем писали пусть и обличительно, но довольно объективно.

— Многие помнят только школьные строки из Блока о Победоносцеве.

— Но ведь этот пассаж из Блока на самом деле очень неоднозначен:

В те годы дальние, глухие, В сердцах царили сон и мгла: Победоносцев над Россией Простер совиные крыла.

И не было ни дня, ни ночи А только — тень огромных крыл;

КОНСТАНТИН ПЕТРОВИЧ ПОБЕДОНОСЦЕВ

Фигура в российской истории и культуре знаковая, причем она продолжает оставаться загадочной для наших современников — столько мифов вокруг его деятельности было создано. Считалось, что Победоносцев был «серым кардиналом» при государях Александре III и Николае II, что возглавлял российскую реакцию, давил малейшие ростки свобод и мечтал погрузить страну в средневековье. Либеральная интеллигенция ненавидела Победоносцева, но и в лагере консерваторов отношение к нему было весьма неоднозначным.

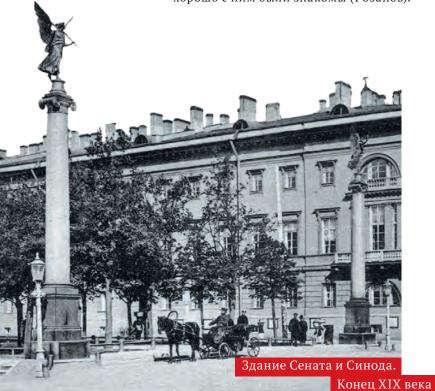
Родился Победоносцев в 1827 году в Москве, дед его был священником, а отец - профессором словесности и литературы Московского университета. В 1846 году он окончил Императорское училище правоведения, много занимался изучением российского права, делая при этом стремительную карьеру, стал сенатором, членом Государственного совета. С 1880 года он — обер-прокурор Святейшего синода, член Комитета министров. Помимо административного управления Церковью, он влиял также на государственную политику в народном образовании, в сфере национальных отношений. С 1884 года он энергично продвигал проект церковноприходских школ (в которых уже в начале XX века обучались около половины всех детей, получавших в России начальное образование). Дружил с Ф. М. Достоевским. В 1901 году едва не стал жертвой покушения. В 1905 году руководил комиссией, которая вырабатывала текст царского манифеста об учреждении Государственной Думы. Но октябрьский манифест Николая II он не принял и ушел в отставку. Умер в 1907 году.

◀ Портрет К. П. Победоносцева. И. Е. Репин. 1903. Репродукция предоставлена издательством «Белый город»

Он дивным кругом очертил Россию, заглянув ей в очи Стеклянным взором колдуна; Под умный говор сказки чудной Уснуть красавице не трудно, — И затуманилась она, Заспав надежды, думы, страсти...

Блок чувствовал, что в Победоносцеве было что-то очень важное. Сам он с ним не встречался, но знал людей, которые встречались с обер-прокурором Синода (например, Мережковского) или просто хорошо с ним были знакомы (Розанов).

И они наверняка Блоку много рассказывали о Победоносцеве.

Кстати, Победоносцев внешне был весьма непривлекателен, даже напоминал обликом Кощея Бессмертного, что также порождало массу характерных ассоциаций. Но когда он начинал говорить, это впечатление пропадало. Он был великолепный оратор и просто поглощал, гипнотизировал своим разговором даже очень плохо к нему настроенных людей. Так что образ колдуна, непонятного, иногда страшного, но умного и гипнотизирующего, у Блока в поэме был неслучаен.

— В чем была суть деятельности Победоносцева и почему его так ненавидели многие политические оппоненты?

— Тут нужно начать с реформ 1860—1870-х годов и отмены крепостного права. Это был колоссальный рубеж. Некоторые историки считают, что 1861 год для истории России был даже более важен, чем 1917-й. По их мнению, именно тогда были подорваны основы порядков, существовавших в России на протяжении столетий. Изменения в системе социальных и экономических отношений, в духовной жизни страны носили фундаментальный характер.

— Интересно, на чем основана точка зрения, что 1861 год был, возможно, более важным в истории России, чем даже 1917-й?

 Я имею в виду прежде всего отмену крепостного права. На нем ранее держалось практически все, включая монархию. И, собственно говоря, умные и проницательные люди говорили об этом еще в первой половине XIX века. В частности, знаменитый министр народного просвещения граф Уваров, автор известной триады «Православие — самодержавие — народность», так и говорил, что крепостное право — это дерево, корни которого глубоко уходят в почву, а ветвями является все остальное: и самодержавие, и целостность империи, и даже Церковь. Если мы отменяем крепостное право, то все начнет меняться в непредсказуемую сторону, и эти изменения будут иметь очень серьезные последствия и для политического строя, и для всей страны в целом. Действительно, так оно и получилось.

— Но все-таки Россия в 60-х годах XIX века поменялась не так радикально, как в XX веке.

— Во-первых, поменялась достаточно радикально уже тогда. А во-вторых, были запущены процессы, которые приобрели абсолютно неконтролируемый характер и привели к дальнейшим глубоким изменениям.

— То есть, чтобы Россия не поменялась в непредсказуемую сторону и чтобы в ней не случилась революция, не нужно было отменять крепостное право?

— Тогда Россия превратилась бы в подобие Ирана или Китая. Эти великие страны стали в то время объектом агрессии и раздела со стороны иностранных держав. И с Россией произошло бы то же самое.

Он был великолепный оратор и просто поглощал, гипнотизировал своим разговором даже очень плохо к нему настроенных людей.

В общем, так или иначе, но при Победоносцеве в политике и жизни страны очень многое определялось стремлением дать ответ на эти изменения 1860-х годов. Был, например, либеральный ответ на вызов эпохи, звавший Россию на путь традиционного западного развития. Был и революционный ответ. Многие считали, что конфликты и противоречия, которые вышли на поверхность после отмены крепостного права, настолько серьезны и страшны, что иначе как через революцию их не разрешишь.

Помимо всего этого существовал и ответ на реформы в консервативном духе. Одним из его сторонников и был Константин Петрович Победоносцев. Кстати, либеральный и революционный пути многими людьми консервативных взглядов рассматривались как две стороны одной медали, некое единое целое.

— Две стороны одной медали потому, что из либерального пути, по их мнению, вытекает революционный?

 Да. Это была распространенная точка зрения среди консерваторов. Придерживался ее и Победоносцев. Они считали, что либералы опаснее, чем революционеры.

— Почему?

— Потому что дают дорогу революционерам. Консерваторы в противовес либеральной и революционной общественным фракциям предлагали целостную и довольно привлекательную для людей того времени программу. В частности, она предусматривала внимание и интерес к так называемому простому народу и попытку спасения тех ценностей, которые (по их мнению) сохраняются в народной среде.

Но народ — это своего рода великий немой: что он чувствует, думает и носит в себе, понималось очень по-разному. Революционеры воспринимали его как естественную почву для революции. Консерваторы же старались увидеть в народе иное и на этом ином сделать совсем другой акцент. Победоносцев словно выбивал почву из-под ног революционеров, говоря им, что выступает от имени народа, а не от имени узкой верхушки, проводящей чуждые России западнические либеральные реформы. Народ, говорил Победоносцев, вовсе не такой, каким изображаете его вы, революционеры. Он патриархален, предан Царю, монархичен, глубоко религиозен, не видит жизни вне Церкви.

Грандиозная, совершенно беспрецедентная по размаху и до сих пор не изученная как следует программа Победоносцева по развитию церковноприходских школ — как раз прямой вывод из таких взглядов. И это, как ни парадоксально, очень демократическое начинание. Он пытался дать воз-

можность народу и близким к нему силам и деятелям самим проявить инициативу и создать в сфере образования нечто, близкое ему самому. Это учеба по церковным книгам, изучение церковного пения и церковнославянского языка. В данном случае школа оказывается неразрывно связанной с Церковью, и обучение происходит во многом через участие в церковной жизни. Народ сам этого хочет, — говорил Победоносцев, а я просто выразитель мнения народа.

Люди, а не учреждения

- Можно ли Победоносцева назвать идеологом контрреформ эпохи Александра III?

 Идеологом контрреформ — ни в коем случае. Он, может, и был идеологом царствования Александра III, но это время не сводилось к контрреформам. У консерватизма, который можно считать господствующей идеологией эпохи Александра III, было много разных течений. Это было внутрение неоднородное явление. Победоносцев был только одним из его представителей, воплощал только одно из направлений в рамках консерватизма. И к контрреформам он относился очень скептически.

- Почему?

- Победоносцев боялся вообще любых изменений в сфере административных и политических институтов. Он считал, что в 1860-е годы там было столько наворочено, что уже пора остановиться. По его мнению, изменения административных учреждений даже в реакционном или консервативном духе могли принести только ухудшения. Это как в шахматах, в ситуации цугцванга: каждый последующий ход ухудшает положение.

При этом он был сторонником более жесткой политики во всем, что касалось информации, культуры и просвещения. И действовал очень резко и бескомпромиссно. Отсюда его мрачный образ в общественном сознании.

В каком-то смысле он был серым кардиналом и теневым центром правительства, хотя не все ведомства держал под своим контролем, а лишь некоторые. Например, цензурное ведомство. Хотя официально, по закону, Победоносцев как обер-прокурор Синода имел ограниченные возможности вмешиваться в цензурную политику, но фактически (по крайней мере, в 1880-е годы) он был всевластным правителем этого ведомства, его глава действовал по указке Победоносцева.

Интересно, что Победоносцев лично прочитывал почти все, что печаталось в России. Он вообще был чрезвычайно работоспособный человек. В те времена при очень большом напряжении сил такое было еще возможно.

 Как же Победоносцев отвечал на знаменитый вопрос «Что делать»?

— Выход он видел в воздействии на людей. Одно из направлений его программы можно охарактеризовать так: люди, а не учреждения. Он считал, что ситуация изменится к лучшему, только если влиять на сферы, которые связаны с внутренним миром людей: на общественное сознание, школу, культуру.

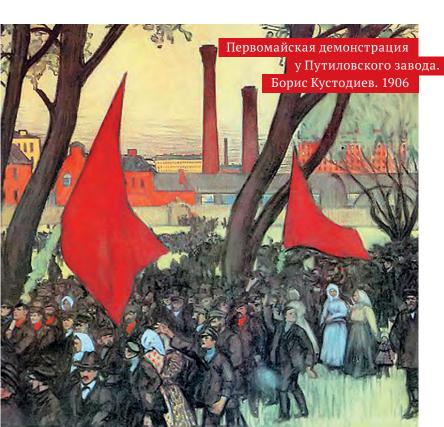
– Как именно он влиял на эти сферы?

— Про цензуру мы уже сказали. Еще, например, он контролировал живопись. Под его давлением с выставок снимались разные картины — в частности, полотно Ильи Репина «Иван Грозный и сын его Иван». В то же время он поддерживал многих художников. Он сотрудничал со многими известными композиторами, которые обращались к сочинению церковной музыки, в том числе с П. И. Чайковским. Чайковскому он даже выхлопотал материальную помощь от Александра III.

Церковь и государство

- Вы в своей книге о Победоносцеве пишете, что он был один из первых обер-прокуроров Синода, кто понимал самостоятельное значение Церкви, и вообще был искренне верующим человеком — что среди обер-прокуроров Синода бывало, к сожалению, нечасто. А как Победоносцев понимал церковно-государственные отношения?

Он считал, что ситуация изменится к лучшему только если влиять на области, которые связаны с внутренним миром людей: на общественное сознание, школу, культуру.

 Для него государство было частью некоего цельного социального организма, обязательно должно было в своей деятельности уделять внимание духовной жизни общества. Он считал, что все материальные улучшения, совершенствование учреждений, проведение той или иной политики — все это абсолютно бессмысленно, если подорвана духовная основа. А духовной основой существовавшего в России порядка он считал мировоззрение народа, опирающееся на православную веру и православную Церковь. И государство, с точки зрения Победоносцева, должно было в первую очередь выполнять те запросы и требования, которые были связаны с духовной сферой. Запросы эти могли предъявлять не обязательно иерархи, но и благочестивые миряне.

Итак, государство не должно ставить свои государственные цели выше духовных. Например, в 1860–1870-е годы государство, исходя из своих соображений, в том числе из экономии государственных средств, вступило на путь сокращения количества приходов и духовенства. Для Победоносцева же соображения государственной экономии здесь не имели никакого значения, он решительно выступал против политики, проводившейся в то время правительством.

– А что имело значение?

— Поддержание традиционного церковного мировоззрения народа, осознание того, что власть едина с ним духовно. Если власть начинает сокращать приходы и закрывать храмы, у народа в сознании произойдет переворот. Если власть православная, то она не может закрывать храмы, иначе это уже какая-то другая власть. И если народ станет думать именно так, то, как считал Победоносцев, настанут хаос и смута.

Возможна ли была тогда иная политика в сфере государственно-церковных отношений? Были ли деятели, которые могли повести иную линию в этой сфере и дать Церкви больше самостоятельности?

- Я думаю, что другая линия вряд ли была возможна. Церковь и государство к этому времени настолько срослись, что без какихто принципиальных изменений в самом государстве и изменение отношений с Церковью было невозможным. Вспомним, что в 1905 году, когда система государственной власти изменилась, хотя и не принципиально, отношения государства с Церковью не изменились вообще. Остались та же обер-прокуратура, тот же Синод. Пока был царь и обер-прокурор был представителем царя, это еще куда ни шло. А когда существовала обер-прокуратура и рядом с царем существовала еще Государственная Дума, а обер-прокурор был включен в состав совета министров как один из членов кабинета, то это стало чем-то невообразимым, напоминало карикатуру. Обер-прокуроры стали стремительно сменяться, некоторые на своем посту проводили всего несколько месяцев. Значительные изменения наступили только после падения монархии.

— Когда революция 1905 года развернулась, Победоносцев говорил «я же вас предупреждал»?

— Разумеется, говорил. Но он был потрясен, раздавлен, бесконечно переживал по поводу разразившегося хаоса, из которого, как ему казалось, уже нет никакого выхода. Для него все это было очень болезненным потрясением. В том числе потому, что против него выступили некоторые церковные деятели,

Он ушел в отставку, после того как был издан манифест 17 октября 1905 года, и это был акт несогласия.

среди них фактически первоиерарх русской Церкви митрополит Петербургский Антоний (Вадковский). Победоносцев-то считал, что все делает в первую очередь для Церкви. Он был этим просто поражен.

— Победоносцев умер в 1907 году, к концу первой русской революции. Как он себя тогда ощущал?

— Безусловно, плохо он себя ощущал. Он чувствовал, что кругом безумие, и не понимал, почему это происходит. Победоносцев считал, что все его предали, включая церковных иерархов и священников. Они же все как один выступили за изменение системы управления Русской Церковью, то есть за возвращение к тому, что сам он отвергал.

— Но почему против него выступили даже церковные деятели?

— Конечно, потому что он не давал свободы Церкви. Над Синодом он властвовал очень жестко и все обсуждения сразу пресекал. Со стороны иерархов это вызывало, естественно, протест. Он на этот протест отвечал новыми жесткими мерами, и доволь-

Солдатушки, бравы ребятушки, где же ваша слава? Валентин Серов 1905 но быстро у него отношения с иерархией испортились.

— Тогда получается, что он не признавал самостоятельности Церкви?

— Признавал, но под своим патронажем и покровительством. Он считал, что он единственный человек в России, осознавший истинные потребности народа и Церкви, и он один знает, что нужно делать и куда идти.

По сути, Победоносцев был человеком очень амбициозным. Собственно, его неприязнь к реформам 1860—1870-х годов и к реформам как таковым во многом началась из-за личной обиды. Его, такого великолепного специалиста по гражданскому праву (а он был действительно одним из очень немногих на тот момент специалистов в этой области), не приняли в расчет и сделали реформу по другому плану, не тому, который он предлагал.

— Было ли вообще творческое начало у Победоносцева, или его характеристика как своего рода «старой невинной девушки» была заслуженна и справедлива?

— Творческое начало у него было, но очень своеобразное, в русле консервативного народничества, постепенной и незаметной работы на местах в нижних этажах общественного организма. Он не терпел ничего громкого, широковещательного, хотя лично себя воспринимал как некоего пророка, носителя истинных народных начал. В целом он считал, что тихая и незаметная работа на местах постепенно будет пересоздавать социальную ткань, завязывать новые связи.

В этой работе он проявлял колоссальную энергию, лично общаясь с огромным количеством священников и учителей церковноприходских школ. Его жена была попечительницей образцовой школы для учительниц — Свято-Владимирской женской учительской школы. А набирали в эту школу исключительно крестьянских девочек. Выпускницы этой школы создали неформальную сеть, из которой жена Победоносцева и он сам черпали альтернативную информацию о том, что происходит на местах.

Во всем этом был если не мощный творческий посыл, то по крайней мере очень большая работа и инициативность.

Синодальный мечтатель

— Можно как-то охарактеризовать итоги работы Победоносцева? Его политику можно считать успешной?

— Безусловно, раз его политика закончилась революцией, ее нельзя считать успешной. Он ушел в отставку, после того как был издан манифест 17 октября 1905 года, и это был акт несогласия. Победоносцев понял, что бороться дальше бессмысленно. Со стороны это могло выглядеть как попытки цепляться за власть. Отчасти он, может быть, за нее и цеплялся. Но точнее было бы

сказать, что он сражался за сохранение старого порядка.

На Ваш взгляд, почему он не победил?

— Его взгляды были по сути одной из утопий, на которые было богато то время.

— Почему утопия?

 Потому что она основывалась на мифе. Очень красивом, но все же мифе о патриархальности и неизбывности церковно-религиозных настроений простого народа. Иллюзорным оказалось и стремление улучшить ситуацию путем постепенной работы на местах. Это была своего рода теория малых дел в ее консервативном изложении — вера в возможность изменить ситуацию, влияя на внутренний духовный мир людей, без переустройства учреждений.

Кстати, сказать, к Победоносцеву лично обращались его противники, пытаясь его переубедить. К какому-то другому завзятому реакционеру, типа министра внутренних дел Плеве, никто бы и не подумал обращаться лично и пытаться с ним спорить. А к Победоносцеву обращались. Например, Лев Толстой писал ему о том, чтобы не наказывали народовольцев-первомартовцев, убивших Александра Второго. А философ Владимир Соловьев даже писал, что знает его «в любом случае как человека незлонамеренного» и что он обращается к нему как «ко брату во Христе».

Они чувствовали, что Победоносцев был не только и не просто бюрократ. С просто бюрократом, даже самым высокопоставленным, никто не стал бы полемизировать.

Но все же была логика в его действиях? В конце концов, может, действительно, лучше было ничего не трогать, и лишь «снизу», через приходские школы, личные контакты духовно влиять на Россию?

Как тогда быть с проблемой индустриализации, которую Победоносцев в упор не видел? Можно сколько угодно действовать «снизу», но как выжить нации в новых условиях, не имея индустриальной основы?

Победоносцеву казалось, что никакого движения в истории нет, а есть некое равенство России самой себе. Она пребывает в неком постоянстве, а если какие-то изменения и происходят, то случаются из-за поползновений разных испорченных людей. Словом, то, что стояло на повестке дня, в частности, ту же индустриализацию, он вообще не видел и не воспринимал.

За что Победоносцева критиковал в частных письмах мыслитель Константин Леонтьев, тоже крайний консерватор?

— Леонтьев не принимал как раз это стояние на месте, этот принцип, что «каждый сверчок знай свой шесток» и работай в своем

маленьком кругу. Дескать, пусть все будут простыми и незамысловатыми. Это Леонтьева буквально взрывало. Он был за контрасты, бурление жизни, полное противоречий.

— Какая альтернативная программа в консервативном духе была возможна в этом смысле? А сам Леонтьев что мог предложить?

— Хотя бы выдвинуть ту же теорию самодержавия и как-то ее обсуждать, остро ее навязывать остальному обществу.

- И бо́льшую независимость Церкви?

- Конечно. Пусть Церковь будет независима, пусть у нее будет яркий, властный патриарх типа Никона, который, если нужно, обличает непорядки в самых верхах, потому что он никакой не русский патриарх, а часть вселенской Церкви и подвержен суду только греческих патриархов. Да и вообще, патриарх этот может быть никакой не русский, как Леонтьев говорил по какому-то поводу, что властный, канонически поставленный епископ, будь он хоть крещеный монгол, должен быть нам гораздо более близок, чем какойнибудь славянин, переродившийся в буржуазном духе. Для Победоносцева же это было безумие: как это кто-то кого-то будет обличать? Все должно быть ровненько заглажено, тихо. Если начать куда-то двигаться, вы этим вызовете камнепад, все развалится, все ведь держится непонятно на чем, люди слабы и неумелы.

Если что-то и может меняться, по его мнению, то только в худшую сторону, ситуация может лишь деградировать. Чтобы было хорошо, нужно, чтобы ничего не менялось.

— А разве Победоносцев не был в этом прав, что лучше не трогать? Тронули — и посыпалось. Не просто же так он, споря с либералами, назвал Россию «ледяной пустыней, по которой бродит лихой человек». Может, он интуитивно понимал, что случится, если растопить этот лёд?

— Но тогда для того, чтобы защитить тот строй, нужен был настоящий супермен. Если согласиться с тем, что все слабые и неумелые, то человек, который взял на себя задачу осуществлять в одиночку политическую активность, вообще должен быть наделен какимито невероятными дарованиями.

Почему в массовом сознании в отношении него сложился такой негативный образ?

— Как я уже сказал, Победоносцев мог вести себя очень резко. Он считал, что если случаются какие-то волнения и беспорядки, то они ни в коем случае не могут исходить от народа. Это все какие-то внешние подстрекатели, агитаторы, которых нужно изъять и обезвредить. Он, например, жестко расправлялся с участниками волнений в духовных семинариях, которые иногда были вызваны революционными подстрекателями, а иногда проистекали из реального тяжелого положения семинаристов.

— Вы считаете, что реалистом Победоносцев все же не был?

— Нет, конечно, скорее он был своего рода фантазером или сказочником.

– А постоянная работа на местах с людьми?

— Так это и было утопией. Вы же понимаете, что нельзя всех объехать и постоянно разговаривать, например, с 50 тысячами священников или несколькими тысячами учителей церковноприходских школ. По большому счету его можно назвать мечтателем. Только не кремлевским, а синодальным.

— А все-таки могла его политика быть перспективной в России?

— Он не понимал, что времена изменились, и не хотел этого понимать. Если что-то и может меняться, по его мнению, то только в худшую сторону, ситуация может лишь деградировать. Чтобы было хорошо, нужно, чтобы ничего не менялось.

Но при Победоносцеве, как он ни фантазировал, все-таки еще были живы патриархальные структуры, живо религиозное сознание. Он фантазировал, но фантазировал вокруг реальных вещей, то есть самодержавия, синодальной Церкви, существовавшей двести лет, — было что сохранять.

Сейчас иначе. Я не думаю, что можно провести достаточно параллелей с нашей нынешней ситуацией. Для нас идейная драма Победоносцева — важный исторический урок, но вовсе не прямое руководство к действию. .